

ЛИЧНОСТНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: УТРАТА ИДЕНТИЧНОСТИ

В.С. Писчиков, М.М. Холин

Одна из характерных примет нынешнего времени в жизни постсоветских социумов, без труда фиксируемая даже на уровне обыденного восприятия, — повышенный интерес к индивидуальности во всех ее проявлениях. Своеобразие, необычность, непохожесть воспринимаются едва ли не как самый важный и достойный внимания признак взглядов и представлений, увлечений и вкусов, жизненного стиля и поступков, произведений искусства и используемых вещей. «Оригинальность превыше всего и любой ценой!» — это, похоже, стало жизненным девизом многих и во многом. Веками ценившиеся больше всего надежность, добротность, долговечность, функциональная целесообразность вещей и содержательность, истинность, нравственность и эстетичность как атрибуты духовных явлений, — все эти качества теряют свою первостепенную значимость в восприятии многих под напором интереса к оригинальности.

Чем же вызван этот, условно говоря, «ренессанс» индивидуальности, каковы его возможные последствия для человека как личности и общества, является ли он специфическим лишь для постсоветских социумов? Размышление над последним из этих вопросов выявляет, что повышенный интерес к индивидуальности, хотя, возможно, и не в такой степени, как у нас, характерен и для современных западных социумов. Причем там истоки этого процесса уходят во времени гораздо глубже, в порубежный период конца XIX — начала XX столетий. Позже, в 40–50-х гг. прошлого века, этот обостренный интерес к

индивидуальности, прежде всего среди интеллигенции, совпадает во времени с прямо противоположными ему, на первый взгляд, процессами деперсонализации и деиндивидуализации личности. Именно в те годы эта противоречивая ситуация становится предметом осмысления и тревожных раздумий представителей ряда философских направлений — марксизма, персонализма, экзистенциализма, а несколько позже и Франкфуртской школы, теоретически оформляясь в характерных для них концептуальных понятиях и идеях.

Отмеченный факт дает основание сделать вывод, что наблюдаемый в настоящее время в постсоветских социумах своеобразный «ренессанс» индивидуальности не является специфическим только для них. Причем это сходство не ограничивается лишь самим фактом особого интереса к ней, но проявляется также в понимании ее сути, содержания и положения в обществе. Если посмотреть с этой точки зрения на нынешний процесс переосмысления индивидуальности и ее антропологической ценности, то сразу же бросается в глаза такая черта, как его неосновательность: своеобразие вещного мира человека, результатов его духовной деятельности, да и его индивидуальных характеристик предстает как нечто внешнее, второстепенное по отношению к ним, их сути. Внешний антураж предметов потребления (внешний вид, упаковка, этикетка и прочее); названия политических партий и общественных организаций, театров, теле- и радиопрограмм, разного рода культурных акций и рок-групп; костюмы, манера поведения, сценические имена и спецэффекты в оформлении концертов эстрадных исполнителей, — все эти внешние признаки часто и исчерпывают оригинальность их обладателей. Более того, и такая, внешняя оригинальность, весьма нередко никак не связана внутренне с содержанием ее носителей, а является случайной для них и рассчитана лишь на то, чтобы привлечь к ним внимание, запомниться, поразить.

Однако мода и на эту эпатирующую экстравагантность также прои- зросла не на нашей почве, а уже давно появилась на Западе, продолжая там существовать и поныне. Зарождение этой моды в западной культуре зафиксировал в конце XIX века, вполне однозначно оценил и эмоционально выразил к ней свое отношение нобелевский лауреат по литературе, испанский поэт и мыслитель Мигель де Унамуно: «Сколько же упорства в том, чтобы возвести на пьедестал неподлинное, отличающееся, гримасу, карикатуру!» [8, с. 116].

Фиксируя сходство в особенностях развития индивидуальности, ее понимании и отношении к ней на уровне обыденного сознания в постсоветских и западных социумах вряд ли можно отрицать роль заимство-

вания. Открытость информационно-культурного пространства постсоветских социумов с середины 80-х годов прошлого столетия на волне негативизма в отношении к своей, основанной на социалистических ценностях культуре, привела к некритическому заимствованию из западной культуры, прежде всего, массовой культуры со всеми ее далеко не лучшими этическими и эстетическими стандартами в качестве образца. Однако очевидно и то, что культурное заимствование, когда оно принимает столь широкие масштабы и некритические формы, возможно лишь при наличии определенной общности в социальных ценностях, образе жизни, представлениях и вкусах людей в разных социумах. Объективная основа такой общности западной культуры и постсоветских социумов появилась и затем стала целенаправленно, форсированными темпами усиливаться и укрепляться с реставрацией в последних буржуазных общественных отношениях.

С учетом названных обстоятельств вопрос о нынешнем состоянии и причинах негативных проявлений в развитии индивидуальности в постсоветских социумах правомерно ставить и обсуждать, с некоторыми оговорками, как один из аспектов проблемы человека в буржуазно-технологической цивилизации на современном этапе ее развития.

В основе всех видов и форм индивидуальности, свойственных определенному социуму, лежит личностная индивидуальность, поскольку все они являются продуктом деятельности личностей. Как целостность она в той или иной мере охватывает все характеристики человеческого индивида, но в первую очередь, самобытность его общезначимых и социально обусловленных потребностей и интересов, интеллектуальных и моральных качеств, мировоззренческих представлений и жизненных ориентаций, жизненных целей и поступков. При условии, конечно, если речь идет о развитой личностной индивидуальности. Характерная для развития индивидуальности в целом в современном обществе тенденция, как уже упоминалось, имеет внешний, поверхностный характер. В содержании личностной индивидуальности эта тенденция проявляется в том, что своеобразие все более смещается с глубинных внутренних качеств духовного мира индивида на иные — несущественные для него как личности характеристики. Тем самым происходит квазификация личностной индивидуальности, потеря ею своей идентичности.

Природные особенности, оригинальность внешнего вида (прическа, одежда, украшения и др.), используемых вещей, поведенческих форм самовыражения и других подобных им характеристик индивида все чаще стали восприниматься им самим и другими как вполне есте-

ственная, репрезентативная манифестация его индивидуальности. Но это означает, что индивидуальность отдельного человека теряет свой глубинно личностный смысл, а его существенные личностные качества становятся все более усредненными, лишенными самобытности. Именно поэтому процессы, получившие название деиндивидуализации и деперсонализации, диалектически взаимосвязаны: первая является необходимым компонентом второй. Следовательно, и объяснение осуществляющихся в современном обществе трансформаций человеческой индивидуальности нужно искать прежде всего в особенностях положения и объективных возможностях самореализации и развития индивида как личности в нем.

Однако если принять в качестве исходной посылки утверждение о характерной для современного общества деперсонализации человека, то потребуются прояснить нелогичную, на первый взгляд, связь между этим процессом и актуализацией интереса к личностной индивидуальности, как на социальном, так и на индивидуальном уровнях. Ведь по логике вещей, как будто должно быть наоборот: этот интерес в условиях деиндивидуализации и деперсонализации должен снижаться и угасать. Но это противоречие лишь кажущееся. Полностью лишенный индивидуальности отдельный человек — это бессодержательная, пустая абстракция. Его индивидуальность проявляется на трех уровнях: биологическом, психическом и социокультурном, включающим в себя и духовное своеобразие. Однако соотношение между этими уровнями может быть различным у разных индивидов и даже у одного и того же индивида в разные периоды его жизни или в контексте различных социальных условий его существования. Как правило, — если отвлечься от разного рода прижизненных аномалий или искусственного вмешательства — биологическая индивидуальность человеческого индивида весьма устойчива, фактически константна. Психическая индивидуальность более динамична и подвержена личностным и социальным влияниям, а его духовная индивидуальность, к которой относится и его личностное своеобразие, максимально открыта социокультурным воздействиям и динамична в своей изменчивости.

Поэтому, когда речь идет о содержании процесса деиндивидуализации, то имеются ввиду изменения негативного характера не в биологической и психической, а духовной и личностной индивидуальности отдельного человека. Причем изменения, принявшие форму столь серьезных деформаций, что и самой личностью, и обществом они воспринимаются как угроза существования личностной индивидуальности как таковой. Порожденные этим обеспокоенность и тревога, отча-

сти неосознаваемые, и трансформируются в обостренный интерес к ней.

Тем самым необходимо признать, что этот весьма своеобразный «ренессанс» личностной индивидуальности в современном обществе является обратной стороной характерного для него процесса деперсонализации и деиндивидуализации. Причины и факторы, обуславливающие нынешнее состояние человеческой индивидуальности, которое Э. Фромм в свое время охарактеризовал как «остатки индивидуальности», многообразны. Если иметь ввиду лишь наиболее значимые из этих факторов, то большинство из них в той или иной степени связаны с природой отношений в современном обществе, как буржуазных отношений, и особенностями их нынешнего этапа развития. Другие же обусловлены последствиями научно-технической и технологической революции в ее нынешней форме на образ жизни людей, сферу их труда и досуга, динамику жизненных реалий. Но и одни, и другие по-своему преломляются в своем воздействии на личностную индивидуальность через особенности положения человека в обществе, характер и возможности его самореализации и самосовершенствования как личности. Рассмотрим те из обозначенных факторов, которые нам представляются ключевыми в аспекте их воздействия на состояние и перспективы личностной индивидуальности в современном обществе.

Социальное отчуждение, несомненно, относится к числу тех, феноменов, которые существенно влияют на положение и характер развития человеческого индивида в обществе. Охарактеризованное в своей сути К. Марксом еще в XIX в (см.: [6, с. 86-99, 113-127]), оно продолжает существовать в современном обществе и поныне, проявляясь в социально-экономической, политической, социокультурной и антропологической формах. Демократизация жизни буржуазного общества, усиление социальных функций государства («социальное государство»), возрастание роли общественных организаций (прежде всего профсоюзов) в жизни общества, — все эти и подобные им изменения происшедшие в XX столетии, несколько ослабили и смягчили традиционные формы отчуждения личности в социально-экономической и политической сферах ее жизнедеятельности.

Однако на смену традиционным в названных сферах пришли новые формы отчуждения, в частности, связанные с кризисом классических институтов политической демократии и качественным усложнением рыночной экономики при одновременном возрастании ее автономности в обществе, которые не могут не оказывать влияния на социокультурное и антропологическое отчуждение личности. Так, известный

английский социолог З. Бауман констатирует существование в современном западном обществе «зияющей пропасти между правом на самоутверждение и способностью контролировать социальные условия, делающие такое самоутверждение осуществимым или нереальным» [1, с. 64]. В результате отдельный индивид, по-прежнему не имея объективных механизмов эффективного воздействия на экономические и социально-политические условия своей жизни, испытывает ощущение непрочности и неконтролируемости своего настоящего, непредсказуемости и проблематичности будущего. Все это вынуждает его ограничивать свою жизненную активность той сферой, где он в состоянии в определенной степени, контролировать жизненные обстоятельства своего существования и прогнозировать ход событий, самореализовываться и самоутверждаться как личность и индивидуальность.

Эта сфера — частная, личная жизнь индивида, мир ограниченного пространства повседневности, где доминируют по преимуществу материальные и ограниченные духовные интересы и запросы. Своеобразие их и соответствующих им ценностей и составляет содержание индивидуальности живущих в таком отграниченном и ограниченном мире индивидов — соответственно и ограниченной индивидуальности. Наполнению ее более широким, социально и духовно развитым содержанием препятствует существующая в обществе и все более «расширяющаяся» пропасть между «общественным» и «частным», постепенный, но неуклонный упадок «искусства перевода» частных проблем на язык общественных и наоборот [1, с. LIX].

Наряду с социальным отчуждением и во взаимодействии с ним негативно влияют на развитие человеческого индивида как личности и индивидуальности пронизывающие все сферы жизни буржуазного общества рыночные отношения. Особенно, если речь идет о сфере духовной культуры. Не только многие философы и ученые, но и некоторые западные политики отдают себе отчет в том, что безусловная ориентация на прибыль, жесткая конкуренция, моральная неразборчивость средств — эти рыночные механизмы, перенесенные в духовную деятельность пагубно сказываются на ее функционировании и развитии. Тем не менее представления о возможности избежать такого переноса, по меньшей мере, наивны, так как нельзя отгородить непронходимой стеной сферы материальной и духовной культуры в социуме как целостной системе.

Сфера массовой культуры в западном обществе уже давно коммерциализировалась, превратившись в шоу-бизнес, а в постсоветских социумах этот процесс неуклонно и бурно развивается. Интересы капи-

тала в условиях беспощадной конкуренции вынуждают его в духовном производстве, как и в материальном, искать и находить разнообразные способы реализации все возрастающей массы духовного «продукта» (именно такой термин стал использоваться для обозначения результатов и духовной деятельности, функционирующих в качестве товаров). Едва ли не самым эффективным из таких способов является непрерывное и частое обновление этого продукта.

В основе такой стратегии лежит вполне осознанная, целенаправленная спекуляция на особенностях психологической реакции человека на новизну: новое прежде всего и быстрее привлекает внимание, интерес. Поскольку же необходимым признаком нового является своеобразие, оригинальность, то на нее и делается ставка в коммерциализированной массовой культуре. Но речь при этом идет не о внутренней, содержательной оригинальности духовного продукта, каким бы он ни был и где бы ни производился, а о поверхностной, внешней, порою косвенно связанной с содержанием ее носителя, оригинальности.

Такая ориентация имеет под собой сугубо материальное, экономическое основание: подлинная оригинальность несопоставимо дороже обходится и требует гораздо больших усилий и времени, что никак не соответствует интересам собственника. Однако такая, экономически целесообразная, оригинальность имеет весьма негативные следствия для развития личности. Во-первых, она как бы задает критерии оригинальности потребителям, а во-вторых, постепенно формирует и развивает у них как личностей адекватное себе своеобразие индивидуальных качеств. Так создается замкнутый, порочный круг: внешняя, бессодержательная оригинальность потребляемых продуктов материальной и духовной деятельности способствует формированию у индивида неразвитой, неглубокой личностной индивидуальности, которая, в свою очередь, ориентирует его на аналогичную оригинальность во всем.

Закономерным следствием и одновременно спутником капиталистической рыночной экономики является потребительство как образ жизни, способ восприятия и отношения к действительности, психологическая установка личности. В интересах капитала, движимого постоянной и все возрастающей жадной прибылью, экономика вынуждена производить избыточную и постоянно обновляющуюся массу товаров, которую необходимо реализовывать и потреблять. Поэтому производство, как материальное, так и духовное, не только объективно порождает потребительство, но и культивирует его, целенаправленно вкладывая немалые средства в пропаганду и рекламу. «На непосредствен-

ном уровне обращения к людям капитализм, конечно же, относится к ним как потребителям, как субъектам желания, требуя от них все более новых и все более извращенных и чрезмерных желаний (для удовлетворения которых он предлагает свои продукты); кроме того, он явно управляет также «желанием желать», превознося само желание желать все новых объектов и способов получения удовлетворения» [5, с. 409], — так характеризует данную особенность капиталистического производства Славой Жижек.

Потребительство формирует и воспроизводит у индивида функционально необходимый для своего существования и развития, весьма ограниченный набор жизненных ценностей — вещи и услуги, деньги и комфорт, карьера и связи, престиж и мода и некоторые другие подобные им ценности. Эти утилитарно-жизненные ценности являются основой конформистских сознания и психологии — конформистского типа личности. Хотя индивид-конформист и лишен индивидуальности в своих основополагающих личностных качествах, что и делает его конформистом, как индивид он обладает биологической и определенной психологической индивидуальностью, а как личность испытывает потребность и в своеобразии социокультурного характера. Однако такое своеобразие может формироваться у него лишь в границах стереотипного набора и содержания названных выше потребительских ценностей и поэтому сводится к несущественным индивидуальным различиям в его личностных качествах.

Серьезный отпечаток на развитие личностной индивидуальности накладывает и такая особенность современного потребительства, как его знаковый характер. Объекты потребления, как материальные, так и духовные, воспринимаются индивидом-потребителем не только (а некоторые и не столько) функционально, в соответствии с их потребительскими свойствами и возможностями, но в не меньшей степени (или прежде всего) в качестве знаков, за которыми для индивида стоит нечто более важное, чем они сами по себе — статус в обществе, успех и карьера, престиж и др. Как отмечает в связи с этим Ж. Бодрийяр, «истина современного предмета состоит не в том, чтобы служить для чего-то, но чтобы значить [...], быть знаком» [3, с. 154]. Оригинальность потребляемых объектов, причем в крайних ее формах, относится к числу тех их признаков, которые приобрели для индивида-потребителя знаковый характер — как знак достойного внимания, модного, современного.

Лишь поверхностное видение описанной выше ситуации может создавать иллюзию объективной стихийности, неконтролируемости. В

действительности же объективно в ней лишь то, что сама система потребления в современном обществе приобрела знаковый характер, но ход этого процесса, его формы и способы осуществления целенаправленно организованы и контролируются заинтересованными в нем социальными силами и институтами. Выбор и набор объектов-знаков, их реклама и своевременная замена отработавших свое другими, более актуальными, — этот процесс поставлен на научную основу и вполне контролируем и управляем. Важнейшим способом его осуществления является манипулирование сознанием личности, задача которого с помощью самых современных, научно обоснованных методов и методик, изощренных технологических и технических средств и приемов «управлять желанием желать» (С. Жижек), формируя нужное для манипуляторов и тех, кто стоит за ними, восприятие знаковых объектов.

Продуманная апелляция к подсознанию, подавление рефлексивной способности индивида в процессе манипулирования его сознанием, способствуют формированию у него некритически-прагматической рациональности, которая по своей сути несовместима с развитой личностной индивидуальностью и, напротив, вполне согласуется с поверхностной, бессодержательной индивидуальностью. С одной стороны, это делает индивида весьма податливым, «благодарным» объектом для дальнейшего манипулирования, а с другой — открывает перед ним возможность динамично и прагматично вписываться в непрерывно, неожиданно и независимо от него изменяющуюся в условиях социального отчуждения жизненную ситуацию.

В ходе развития рыночной экономики и потребительского общества найдены весьма простые по механизму действия, надежные и исключительно эффективные инструменты процесса манипулирования сознанием личности — мода и реклама. Вездесущность моды, распространившей свое влияние на все без исключения сферы жизни общества, включая и духовную, сочетается с созданным ей в обществе имиджем всемогущества: признанное модным стало знаком, «современного», «престижного» и должно восприниматься как признак личной и социальной состоятельности потребителя модного продукта. Индивидуально-личностное же своеобразие его — его взглядов, предпочтений, вкусов и др. — имеет при этом значимость постольку, поскольку может быть втиснуто в достаточно жесткие рамки моды. И это вполне соответствует менталитету современного потребителя-конформиста, для которого важнее всего в жизни не быть кем-то, а выглядеть, казаться им. Ги Дебор: «Первая фаза господства экономики над общественной

жизнью в отношении определения любого человеческого творения повлекла за собой очевидное вырождение быть в иметь. Настоящая фаза тотального захвата общественной жизни накопленными плодами экономики ведет к повсеместному сползанию иметь в казаться» [4, с. 26].

Другой важнейшей характеристикой образа жизни современного человека является индивидуализм. Объективной основой его в буржуазном обществе является антиномическое противоречие между индивидуальным и социальным в нем. Фокусируя интересы и внимание личности прежде всего и во всем на самой себе, он как будто бы объективно должен способствовать развитию личностной индивидуальности. В данном отношении индивидуализм — антипод конформизма: лежащий в его основе эгоцентризм вступает в противоречие с обезличивающей индивида конформистской ориентацией. Это противоречие в реальности чаще всего разрешается в пользу конформизма, так как индивид не в состоянии отказаться от конформистских по своей сути потребительских ценностей. Однако это лишь частичное, а не полное разрешение данного противоречия, так как и потребительская, и индивидуалистическая жизненные ориентации личности в буржуазном обществе имеют объективное основание. Поэтому индивидуалистическая ориентация, ограниченная потребительской, в подчиненном ей виде также существует в сознании и поведении индивида, но проявляется она в его индивидуальности настолько, насколько это позволяют конформистские ценности.

К аналогичному по сути следствию приводит и обусловленное эгоцентристской природой индивидуализма сужение пространства бытия личности до границ и масштабов ее индивидуального бытия, так как это ограничивает для нее многообразный мир социальных жизненных ценностей и их смыслов — как потенциальный источник ее индивидуальности — кругом ее собственных утилитарно-прагматических потребительских ценностей.

Характеризуя влияние индивидуализма в целом, с учетом всех его сторон, на развитие личностной индивидуальности современного человека, на наш взгляд, есть основание оценить это влияние как негативное. В связи с этим приходится признать, что несмотря на эволюцию буржуазного общества, по-прежнему, остается верной мысль, высказанная Н.А. Бердяевым: «Эгоистическое и самолюбивое погружение в себя означает разорванность человека и мира. [...] Индивидуализм есть опустошение индивидуальности, обеднение ее, умаление ее мирового содержания» [2, с. 275, 376]. С этой оценкой индивидуализма русским философом перекликается оценка его З. Бауманом: «Новый

индивидуализм провозглашает в теории и обещает, но не может обеспечить подлинной и радикальной свободы самоопределения и самоуверждения» [1, с. 121].

К числу важнейших социальных факторов, от которых во многом зависит состояние и характер развития личности в целом и ее индивидуальности, в частности, безусловно, принадлежит духовность. Отнюдь не случайно все истинно духовное, начиная от духовных потребностей и вкусов индивида и заканчивая выдающимися творениями человеческого духа, несет печать оригинальности. Именно в духовности находит наиболее адекватное выражение оригинальность личности. Поэтому духовность можно представить как способ существования личностной индивидуальности, которая не только адекватно выражает и сохраняет ее, оберегая от нивелирующего воздействия социальной среды, но и открывает для нее по сути безграничные перспективы развития.

Однако уже не одно десятилетие состояние и положение духовности, как и в целом духовной культуры в западном обществе, философами различных мировоззренческих позиций и разных направлений единодушно характеризуется как кризисное. Фактически идет процесс перерождения подлинной духовности в квазидуховность (анти- и псевдодуховность), который осуществляется прежде всего через трансформацию высших духовных ценностей, выступающих в качестве ее фундаментальных оснований, — добра, любви, истины, красоты, свободы, справедливости и др. Как общечеловеческие ценности они в разных культурах и в разные эпохи столетиями воспринимались в качестве непреходящих общезначимых абсолютов. В современном же обществе их абсолютность и общезначимость де-факто поставлены под вопрос либо вообще отрицаются. Все шире распространяется представление об их относительности и субъективности. Релятивизация и субъективизация же высших духовных ценностей неизбежно влечет за собой неопределенность их содержания, многозначность смыслов и размытость границ. Но в таком своем качестве они уже не могут эффективно выполнять функцию личностных конструктов, которые определяют систему координат, стратегию бытия личности.

Весьма проблематичным становится и использование этих ценностей личностью как масштаба измерения всех других своих жизненных ценностей, эталона, позволяющего отличить подлинное от мнимого, в том числе и относящегося к индивидуальности. Теряя внутреннюю связь с подлинной духовностью, личностная индивидуальность лишается тем самым почвы, основания, которое придает ей ценно-

стный смысл. Вне этой связи она индифферентна в ценностном отношении, может обладать как позитивным, так и негативным смыслом: оригинальным может быть как прекрасное и гуманное, так и безобразное и бесчеловечное. Ослабление, тем более разрыв личностной индивидуальности с высшими духовными ценностями, являющимися основополагающими категориями культуры, превращает ее в самоценность, которую уже нет необходимости согласовывать, соотносить с этими категориями.

Вследствие этого аморальное и безобразное, пошлое и примитивное могут вызывать интерес и оцениваться позитивно только потому, что они оригинальны. И это уже не абстрактная возможность, а, к сожалению, факт современной культуры — кино- и видеофильмов, театральных спектаклей и разнообразных шоу, теле- и радиопрограмм, периодики и художественной литературы, наконец, повседневной реальности. Такова плата за абсолютизацию индивидуальности, возведение ее в ранг самоценности, тем более, если речь идет о содержательно неглубокой, внешней, то есть неподлинной индивидуальности.

Все факторы, обуславливающие состояние, характер и восприятие личностной индивидуальности обществом и личностью, о которых шла речь в статье, свойственны, как уже отмечалось, и для современных западных, и для постсоветских социумов. Если же говорить о специфических для последних факторах данного процесса, то прежде всего следует назвать политический и идеологический плюрализм, утвердившийся в них с конца 80-х гг. прошлого столетия, и последовавшую затем юридическую и политическую демократизацию жизни общества. Однако это, казалось бы, однозначно позитивное обстоятельство в сочетании с падением уровня моральности в обществе, кризисом духовности в нем, возникновением и широким распространением потребительства и массовой псевдокультуры, — все это привело к анархически-индивидуалистическому пониманию личной свободы как неограниченной не только внешне, но и внутренне абсолютной возможности самореализации и самовыражения личности.

Противоречивым следствием названных выше процессов и стали, с одной стороны, обостренный интерес к личностной индивидуальности в различных сферах и формах ее проявления, а с другой — вырождение ее во внешнее, лишенное глубины разнообразие. Не «отягощенная» содержательностью, не связанная и не ограниченная этическими и эстетическими рамками и критериями, личностная индивидуальность все больше стала принимать форму внешнего оригинальничанья и экстравагантности. Поскольку демокритовский афоризм «Прекра-

сна надлежащая мера во всем!» оказался совсем не актуальным и понятие меры было предано забвению, а чрезмерность, по определению, не имеет границ, то объективно появилась потребность во все более и более крайних формах выражения оригинального. За отсутствием иных критериев оригинальности в качестве такового уже фактически признано то, что шокирует и эпатирует, вызывает пересуды и скандалы. Эта погоня за «сверхоригинальностью» постепенно превращается в «дурную бесконечность» (Гегель), где подлинной индивидуальности нет места: она или вообще не замечается или выглядит недостаточно оригинальной на фоне кричащей чрезмерности.

Отмеченные деформации в содержании личностной индивидуальности ведут к ее перерождению и губительны для перспектив ее собственного развития. Но не только: они имеют и серьезные негативные последствия для сущностных характеристик человеческого индивида как личности. Речь идет, прежде всего, о тех личностных характеристиках индивида, которые определяют его творческий потенциал — мировосприятию, интеллектуальным и чувственно-эмоциональным качествам, его способностям и интересам и др. Своеобразие именно этих качеств открывает для личности возможность своеобразного видения и осмысления реальности, путей и способов ее творческого освоения. Деформированная же, не укорененная в глубинных личностных структурах внешняя оригинальность существенно ограничивает творческие потенции личности, так как обуславливает адекватное себе восприятие вещей и, как следствие, не основательное, подлинное творчество, а его внешнее подобие, видимость. Отнюдь не случайно известный на Западе философ, социолог и психолог Антонио Менегетти связывает «практическое исчезновение позитивной творческой индивидуальности» в обществе с тем, что в нем «везде и всюду превалирует стандарт — от музыки до живописи, от политики до управления финансами» [7, с. 6].

Индивидуальность в ее нынешнем состоянии делает личность более открытой для манипулятивных влияний конформистского характера, поскольку у нее отсутствуют внутренние механизмы и критерии, позволяющие распознавать и отвергать чуждые ей взгляды и ориентации, представления и вкусы, навязываемые в процессе манипулирования ее сознанием и поведением.

Любые изменения в содержании личностной индивидуальности независимо от их направленности не могут не сказываться определенным образом на личностной идентичности, которая имманентно включает в себя и своеобразие, неповторимость индивидуальных качеств отдель-

ного человека. Обретение и сохранение индивидом своей идентичности, с одной стороны, и формирование, развитие его как индивидуальности, с другой — это два не только взаимосвязанных, но и взаимообуславливающих друг друга аспекта одного и того же процесса становления личности, ее самоопределения и самореализации. Поэтому отмечавшиеся деформации в индивидуальности не могут не деформировать и идентичность личности, а также процесс ее самоидентификации.

Выхолащивание содержания и овнешнение личностной индивидуальности делает ее чрезмерно зависимой от изменения внешних условий и обстоятельств, в которых пребывает индивид. Характерная же для современного общества гипердинамичность жизненных реалий, на которые индивид может влиять лишь в незначительной степени, на уровне микросреды, обуславливает и соответствующую изменчивость его внутренне неукорененной индивидуальности. Это объективно вступает в противоречие с такими атрибутами личностной идентичности, как ее целостность, устойчивость и преемственность в процессе развития личности. Тем самым для индивида существенно осложняется и без того весьма непростая жизненная проблема обретения, сохранения и развития своей идентичности как целостной, устойчивой системы всех его качеств и характеристик. Напротив, чрезмерно мобильная и лабильная индивидуальность «благоприятствует» трансформации устойчивости и преемственности в ходе развития личностной идентичности в ее фрагментарность, «текучесть» и ситуативность, превращая ее тем самым в идентичность «на время».

Подытоживая сказанное в статье относительно сути, нынешнего положения в обществе и дальнейших перспектив личностной индивидуальности, на наш взгляд, есть все основания утверждать, что изменения, происходящие сейчас в личностном мире человека, только внешне могут восприниматься в качестве его расцвета, «ренессанса». На самом деле это всего лишь оболочка, видимость, за которой скрывается кризисное состояние личностной индивидуальности, утрата ею идентичности как один из аспектов глобального антропологического кризиса в исчерпавшей свои исторически прогрессивные потенции буржуазно-технологической цивилизации.

Литература

- [1] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002.

- [2] *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества.* — М.: Правда, 1989. — С. 284-580.
- [3] *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. — М.: Республика, Культурная революция, 2006.
- [4] *Дебор Г.* Общество спектакля. — М.: Логос, 2000.
- [5] *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. — М.: Европа, 2008.
- [6] *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — М.: Изд-во полит лит-ры, 1974. — Т. 42. — С. 41-174.
- [7] *Менегети А.* Проект «Человек». — М.: ННБФ «Онтопсихология», 2004.
- [8] *Унамуну М.* Вечная традиция // *Философская и социологическая мысль.* — 1995. — № 11-12. — С. 112-116.
- [9] *Фромм Э.* Пути из больного общества // *Проблема человека в западной философии.* — М.: Прогресс, 1988. — С. 443-482.

Надійшла до редакції 25 липня 2011 р.